
Программа борьбы.

Кажется, никогда будущее России не было столь загадочнымъ и столь неяснымъ, какъ въ эту минуту.

Я не говорю о "русской проблемѣ" европейскихъ дипломатическихъ канцелярій. Политическое знахарство профессиональныхъ и не профессиональныхъ дипломатовъ съ наивной самоувѣренностью нашло секретъ ея разрѣшенія. Пусть кооператоры обмѣниваютъ русский лень на англійскую мануфактуру, и всѣ недуги будутъ залѣчены! Предоставимъ Европѣ продѣлать и этотъ опытъ: увлеченіе новой программой остынетъ, когда первый піонеръ спасительной "торговли" окажется въ тюрьмѣ, а его товары будутъ реквизированы однимъ изъ совдеповъ федеративной республики. Нѣмецкіе гехеймраты, послѣ Брестъ-Литовска, со свойственнымъ имъ трудолюбіемъ уже рѣшали проблему приспособленія строя, при которомъ чужого имущества не отнимаютъ, къ порядкамъ, гдѣ между своимъ и чужимъ нѣтъ ни теоретической, ни, главное, практической разницы. Пусть надъ этимъ согласованіемъ потрудятся теперь клерки Форейнгъ-Оффиса. Все равно, они нашихъ совѣтовъ не слушаютъ, и полезнѣе, чтобы они получили необходимое поученіе изъ первыхъ рукъ.

Но мы знаемъ Россію лучше и гехеймратовъ, и клерковъ, и вся бесплодность европейскихъ "рѣшеній" въ русскихъ дѣлахъ достаточно всѣми оцѣнена. Для

Европы вопросъ ставится о судьбахъ чужой и далекой страны, къ тому же страны, государственный ростъ которой, по словамъ Ллойдъ-Джорджа, былъ еще лордомъ Биконсфильдомъ признанъ не отвѣчающимъ интересамъ Соединеннаго Королевства. Для насъ дѣло идетъ о родинѣ, судьбы которой намъ безконечно близки и дороги.

Мы знаемъ очень хорошо, что, если даже Литвиновъ станетъ во главѣ русскихъ кооператоровъ и съ его помощью иностранцы вывезутъ нѣсколько судовъ, нагруженныхъ экспропрированнымъ у собственниковъ льномъ, — отъ того мы ни на іоту не приблизимся къ выходу изъ смуты, царящей въ Россіи. Нашъ вопросъ глубже и серьезнѣе, чѣмъ "русская проблема" европейцевъ. Намъ нужна Россія не для того, чтобы нажать въ ней, съ нѣкоторымъ рискомъ, нѣкоторую сумму валюты, а для того, чтобы снова найти въ ней органически необходимую намъ стихію свободнаго развитія национальной культуры и мирнаго общежитія.

Россія раздѣлена сейчасъ на нѣсколько отдѣльно другъ отъ друга живущихъ міровъ. Но какой бы изъ этихъ міровъ мы ни брали, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ той Россіи, которой мы ищемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждомъ изъ этихъ міровъ ясна и несомнѣнна всѣхъ объединяющая потребность возсозданія культурной и свободной родины. Поскольку всеобщее одичаніе не отняло у русскихъ людей государственнаго сознанія, ихъ мысль съ волненіемъ вдумывается въ то, что происходитъ, и всякій съ волненіемъ провѣряетъ свою старую программу въ свѣтѣ разворачивающихся событій.

Всего существеннѣе, конечно, то, что дѣлается за семью печатями большевистскаго царства. Коренная Россія живетъ въ жестокихъ условіяхъ матеріальнаго и нравственнаго угнетенія, равнаго которому никто никогда

не видѣлъ. Но она жива, и ей въ первую очередь принадлежитъ, вѣроятно, рѣшеніе судьбы страны. Издали вы чувствуете, что она такъ же напряженно размышляетъ надъ будущимъ Россіи, какъ размышляютъ надъ нимъ тѣ, кто оказался внѣ власти "совѣтовъ" и кто можетъ свободно думать и свободно дѣлиться съ другими своими мыслями. Первая обязанность тѣхъ, кто пользуется благомъ свободы, помочь добросовѣстному и честному обсужденію вопросовъ, стоящихъ передъ всѣми русскими мірами, раздѣльными, но вмѣстѣ едиными. Пусть голосъ нашъ еще не доходитъ до коренной Россіи, но пусть, когда онъ дойдетъ, въ ней почувствуютъ, что мы живемъ съ нею, и въ нашихъ заботахъ о будущемъ, прежде всего, думаемъ именно объ обѣднѣвшихъ, но все еще руководящихъ жизненныхъ центрахъ русскаго народа.

Можно и должно пока забыть объ "окраинахъ". При всей видимой отчужденности ихъ отъ Россіи, моральная и политическая связь съ ними, утраченная сейчасъ, будетъ восстановлена, какъ только Россія выйдетъ изъ смуты. Объ этомъ мы успѣемъ еще подумать, и нелѣпо осложнять частностями и безъ того сложный центральный вопросъ о русскомъ будущемъ. Наивно думать, что отъ нашей политики въ новыхъ окраинныхъ государственныхъ образованіяхъ можетъ зависѣть спасеніе Россіи, какъ нелѣпо и несправедливо претендовать на то, что окраины отмежевались отъ большевизма, хотя онъ и русскій.

Будемъ думать о нашихъ собственныхъ дѣлахъ въ первую очередь. Опытъ достаточно доказалъ, что не иностранцы рѣшатъ судьбу Россіи, и время "ориентаций" — "союзнической", нѣмецкой или всякой другой — миновало окончательно и безвозвратно, и ужь, конеч-

но, не въ формѣ финско-эстонско-польской онѣ воскреснуть.

Только русскіе могутъ рѣшить русскій вопросъ. Но, чтобы рѣшить его, они должны спокойно и зрѣло его продумать.

До сихъ поръ активно боролись въ Россіи двѣ силы и двѣ программы. Съ одной стороны, очень дѣятельная и частью одаренная группа фанатиковъ и авантюристовъ, создавшая совершенно примитивный и глубоко противорѣчащій всей современной культурѣ аппаратъ власти, но въ то же время оформившая, въ прямомъ противорѣчій съ собственной программой, глубокою аграрную революцію; съ другой стороны, благородная и полная чистаго идеализма группа защитниковъ преемственной русской государственной традиціи, у которой чисто политическая формула возсозданія государственности господствовала надъ всѣмъ остальнымъ, мѣшая ей ясно поставить социальный діагнозъ переживаемаго Россією недуга. Не буду говорить о томъ, что окружало каждую изъ двухъ группъ. Къ сожалѣнію, нравственное одичаніе стало явленіемъ всероссійскимъ, не считающимся съ "фронтами" гражданской войны. Гораздо важнѣе другое явленіе: нейтральность русскихъ массъ. Было бы слѣпотой не видѣть этой нейтральности и легкомысліемъ не учитывать ея громаднаго значенія. Массы столь же опредѣленно равнодушны къ большевикамъ, какъ къ попыткамъ ихъ свергнуть. Они не хотятъ совѣтской анархii и не хотятъ аграрной реставраціи. Оба этихъ отрицанія и нашли себѣ выраженіе въ томъ нейтралитетѣ, который крестьянская Россія блюдетъ въ гражданской войнѣ.

Во многихъ отношеніяхъ инстинктивная философія крестьянскаго нейтралитета глубока и правильна. Я уже

не говорю о томъ, что гражданская война сама по себѣ есть величайшее зло и величайшее бѣдствіе, на чьей бы сторонѣ въ ней мы ни стояли. Я считаю, что массы не ошибаются и въ своемъ инстинктивномъ идеалѣ русскаго будущаго : онѣ не ошибаются, чувствуя, что большевизмъ есть безсовѣстная и дикая олигархія, и въ то же время отрицая всякія попытки вернуться къ Своду Законовъ послѣдняго передъ революціей издания

Русскій народъ, какъ цѣлое, принялъ революцію и отъ нея не отречется, революцію, объемлющую одинаково и демократическую формулу Временнаго Правительства, и социальную формулу Ленинскаго земельного захвата.

Когда мнѣ говорятъ, что народъ хочетъ возстановленія царской власти, я этому вѣрю такъ же мало, какъ утвержденію, что мужички, утомленные смутой, мечтаютъ о возвращеніи помѣщиковъ въ захваченныя имѣнія. Въ народномъ сознаніи старая Россія, политическая и социальная, разрушена, и для него грядущая Россія есть Россія революціи, а не Свода Законовъ.

Намъ всѣмъ надо усвоить себѣ эту основную истину, и вся наша политическая работа, въ какомъ бы изъ русскихъ міровъ мы ни находились, должна взять ее за основную политическую заповѣдь. Мы выйдемъ изъ революціи послѣ того, какъ окончательно примемъ ее, примемъ не какъ совокупность часто достаточно плачевныхъ и достаточно безславныхъ историческихъ эпизодовъ, а какъ громадный политическій и социальный переворотъ.

Я склоненъ думать, что глубже и яснѣе всего эта основная русская политическая истина сознается въ томъ русскомъ мірѣ, который остался подъ совѣтской олигархіей. Если это такъ, то это будетъ значить только, что судьба Россіи рѣшится тамъ, гдѣ она всегда рѣ-

шалась, въ Великороссіи.

Не намъ диктовать издалека рецепты оставшимся въ совѣтской Россіи братьямъ, ибо пониманіе задачъ русскаго государственнаго строительства въ другихъ русскихъ мірахъ часто оказывалось недостаточно зрѣлымъ.

Но важно сейчасъ не опредѣленіе того, откуда будетъ спасена Россія; важно окончательно условиться, что необходимо для ея возстановленія.

Оружіе борьбы съ большевизмомъ вездѣ одинаково: большевизмъ не страшенъ, если ему противопоставлена программа, отвѣчающая двумъ основнымъ потребностямъ страны — созданію культурной государственности и признанію земельного переворота. Новая истина рано или поздно его одолѣетъ, ибо большевизмъ есть неизлѣчимое безуміе, отрицающее нормальныя условія роста и развитія русской общественной системы. Всѣмъ русскимъ мірамъ, каждому по своему, доступна борьба за освобожденіе страны, но каждый изъ нихъ долженъ понять, что, выбирая заржавленное орудіе, онъ наноситъ величайшій ущербъ ея интересамъ.

Есть русскіе люди, которые отрицаютъ революцію и въ прошломъ, и въ будущемъ; есть и такіе, которые пріемлютъ ее и въ прошломъ, и въ будущемъ. Наша программа: черезъ революцію къ соціальному миру и къ культурной государственности.

Бар. Б. Э. Нольде.
